

Рассказы о жителях новгородской деревни Каменки

Рассказы продолжают статью «Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века». http://www.kirjazh.spb.ru/history/shvar/Shvaryov_ural_14.pdf

Все рассказчики – уроженцы новгородской деревни Каменки бывшего Боровичского уезда, став в послевоенные годы городскими жителями, помнят своих родителей и дедов; помнят мир живущей деревни и даже то, что в 1930-1950-е гг. здесь наряду с русской речью порой звучала и своя деревенская, т.е. карельская.

В рассказах нашли отражение планировка деревни, особенности построек, семейный быт, деревенские порядки, крестьянское хозяйство, необычный инвентарь: карельская коса, ройка. Затронуты острые социальные вопросы: отголоски крепостного права, влияние города на деревню, коллективизация деревни и её полное запустение в конце XX века.

Рис. 1. Каменка. Дома на Симоновской дороге. Фото автора, 1990 г.

Краткий исторический очерк

Деревня Каменка находится на берегу живописного озера в Любытинском районе Новгородской области у шоссе между районными центрами Любытино и Хвойная. В прошлом (в XIX и начале XX века) адрес деревни был иной: Новгородская губерния, Боровичский уезд, Никандровская волость.

Писцовая книга Бежецкой пятины [1] свидетельствует о разорении в 1564 г. (в период правления Ивана Грозного) многих деревень в Шереховском погосте Бежецкой пятины: упоминается пустошь *Каменик* и соседние пустоши *Колоколуша*, *Ушаска*, *Жар*. В последующие жестокие годы Смутного времени местность практически обезлюдела и только в после заключения Столбовского мира 1617 г. со Швецией начала понемногу заселяться карельскими беженцами из оккупированного шведами Приладожья. Известно, что поток этих беженцев

значительно возрос после русско-шведской войны 1656-1658 гг. Во всяком случае «пустоши Каменка и Колоколошина» были заселены «Карельскими выходцами» в 1706 г. – такое упоминание имеется в «Описи вотчин, что перешли в собственность» и в постановлении Сената [2]. Карелы были поселены здесь на дворцовых землях, которые в дальнейшем в 1762 г. стали владельческими и были куплены Василием Ивановичем Суворовым – отцом знаменитого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Так население Каменки и соседних деревень стало почти на 100 лет крепостными князей Суворовых. Их большие новгородские вотчины (1 село, 2 сельца, 37 деревень и 12 пустошей) находились в ведении управляющих. В конце XVIII в. барщины здесь не было, и собирали с крестьян только подушный оброк по 3 рубля ассигнациями; что было терпимо и позволяло состоятельным хозяйствам иметь по 3-4 коровы и по несколько лошадей [3].

В 1797 году А. В. Суворов имел «в повелении своем тысячу душ карел, из коих весьма малое число по-русски худо разумеют» [4], т. е. все крестьяне говорили на карельском языке.

В 1882 г., согласно церковным ведомостям Боровичского уезда [5], «говорящие на Корельском наречии крестьяне» оставались в этих местах только в 25 деревнях в Шереховском и Никандровском приходах (старинная *Кривинская вотчина*).

Число прихожан Никандровской церкви, говорящих на карельском языке в 1882 г.

Из каких мест и какого звания прихожане	Число дворов	Число душ		Расстояние от церкви, верст
		мужск.	женск.	
Каменка	18	71	64	10
Кадилиха	6	23	32	10
Долбеево	3	34	40	10
Зубово	4	29	30	10
Ушково	13	55	65	7
Жары	3	14	12	5
Симониha	13	59	66	13
Бабино	1	3	4	14
Новый бор	21	85	83	5
Рогозово	14	54	53	4
мещане	1	1	1	
военные	8	3	34	
Всего	111	431	484	

Итак, из 2223 прихожан этой церкви 876 крестьян (39 %) говорили на карельском наречии.

1897 год – Первая всеобщая перепись населения Российской империи выявила в Боровичском уезде 1076 человек, для которых карельский язык был родным (без детальной разбивки по волостям).

1924 – 1926 гг. Перепись нацменьшинств выявила в Боровичском уезде 10 деревень (в бывшей Шереховской волости), для 867 жителей которых карельский язык был ещё родным. Деревня Каменка примыкала к анклаву этих 10-ти карельских деревень, но числилась, как населенная русскоговорящими жителями.

Уровень благосостояния во многих крестьянских хозяйствах Каменки до начала 1930-х годов, как следует из нижеприведённых рассказов, был сравнительно высокий. Но с началом

коллективизации жители стали покидать деревню. Семейный достаток колхозников снизился, не говоря уже о стимулах к тяжелому крестьянскому труду. Во время войны многие мужчины Каменки погибли на фронте, а после войны деревенская молодежь стала уезжать в города (в ремесленные училища, по оргнабору, после срочной службы в армии). К концу XX века, когда умерли старики, постоянных жителей в деревне не осталось.

Сейчас в этой красивой деревне с остатками старинной дворянской усадьбы на берегу озера, куда подходит асфальтовая дорога от Любытино, хорошо сохранившиеся старинные крестьянские дома отремонтированы, покрыты современной кровлей и используются городскими потомками местных жителей и другими дачниками для летнего времяпровождения.

В Каменке до наших дней сохранились остатки родовой усадьбы Суворовых (с 1879 г. – дом военных инвалидов) и здание церкви, построенной потомками полководца.

Ниже приведены три рассказа о старинных деревенских жителях из крестьянских родов "Курчиных" (Яковлевы, Курчины, Кудряшovy) и "Воронцовых" (Ивановы). В рассказах также упоминаются "Разуваевы" (Никифоровы), "Еровы" (Павловы), "Борины" (Ивановы), "Филькины" (Фёдоровы), "Сенькины", Максимовы, Вихровы, Храбровы, Кузнецовы и Леонтьевы.

Крестьянский род Курчиных в деревне Каменке

Рассказы Яковлева Дмитрия Сергеевича (1929 - 2011)

(записаны автором в 1990-е годы в Ленинграде)

Рис. 2. Яковлев Дмитрий Сергеевич родился в 1929 году в деревне Каменке, тогда Бельского района Боровичского округа Ленинградской области [6] и прожил там до 16 лет, то есть до 1946 года, когда перебрался в Ленинград и поступил учиться в ремесленное училище. Фото 1970-х гг.

Родители мои в своё время окончили начальную церковно-приходскую школу в Каменке при здешней церкви, говорили по-русски, но понимали и карельский язык.

Мой дед Яков – карел, родился в то время, когда отменили крепостное право [7]. Фамилий раньше не было, а деревенская кличка его – «Курчин». Деда в живых я не застал, но помню из рассказов старших, что и в старости он ходил на озеро ловить рыбу. Рыбу ловил, отплывая от берега на «ройке» – лодке из двух выдолбленных толстых осин, соединённых вместе. Если же деду на пути к озеру ненароком встречалась женщина с пустыми ведрами, то он с досады ругался по-карельски и возвращался назад.

Бабушка Анита (Анна) со стороны отца была родом из деревни Ерзовки Никандровской волости, и когда в конце 1880-х годов она вышла замуж, то в доме мужа Якова в деревне Каменке, по её рассказам, плохо понимала свою свекровь Параскеву, говорившую только по-карельски.

У деда с бабушкой было семеро детей: четверо сыновей – Иван, Петр, Сергей и Василий и три дочери. Дочерей Ольгу, Кушу (Акулину) и Паню (Параскеву) в разное время выдали замуж за местных жителей: в Каменку, в Зубово и в Долганово.

Рис. 3. Ольга (1887 – 1936) и Акулина (1896 – 1952) Яковлевы в девичестве. Фотография 1912 г.

Рис. 4. Уроженцы деревни Каменки – Курчин Иван Яковлевич (1890 – 1966) и Никифоров Алексей (1887 – 1935), служившие в царской армии во время Германской войны. Фотография 1915 г.

Мой дядя, старший сын деда Якова – Курчин Иван (на фото – слева) до революции ездил на заработки в Питер, где с 1909 до 1914 г. с перерывом работал чернорабочим на фабрике роялей «Я. Беккер». Воевал на германском фронте. После Гражданской войны вернулся в деревню и женился. Жена его Василиса Семёнова – родом из карельской деревни Почерняево. Оба они состояли в партии большевиков и принимали активное участие в коллективизации. В 1930-е годы Иван Яковлевич построил в Каменке для своей семьи новый деревенский дом. Во время последней войны 1941 – 1945 гг. он был председателем Каменского сельсовета.

Справа на фото стоит в военной форме Никифоров Алексей – свояк, муж Ольги Яковлевой (см. выше рис. 2). Алексей был из семьи деревенских торговцев, которые имели здешнее прозвище «Разуваевы». Ещё до революции Никифоровы расширили торговлю: брат его завёл лавку в Киришах, а Алексей – в Чудове, куда и переехал со своей семьёй на жительство.

Второй сын Яковлев Петр Яковлевич смолоду пошёл по церковной линии. Окончил второклассную школу в Сопинах и духовное училище в Новгороде, куда поступил по рекомендации приходского священника. Петр Яковлевич служил в Чудове псаломщиком, дьяконом и, будучи уже священником, оказался жертвой репрессий 1937 года [8].

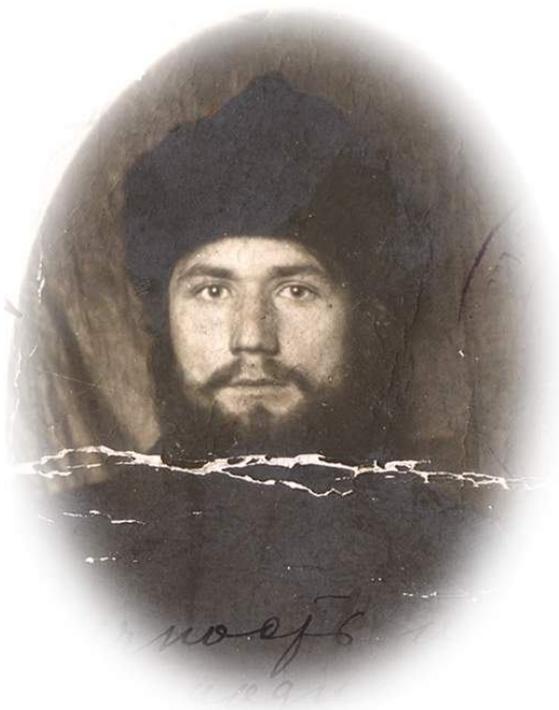

Рис. 5. Уроженец деревни Каменки – Яковлев Петр Яковлевич (1893 – 1938).
Фотография 1919 г.

Рис. 6. Уроженцы деревни Каменки, младшие сыновья Якова –
Василий (1908 – 1942) и Сергей (1901 – 1971). Фотография 1917 г.

На фото слева – самый младший сын Кудряшов Василий Яковлевич. Во время коллективизации он уехал из Каменки в Ленинград и поступил рабочим на судостроительный завод Марти.

В годы блокады Ленинграда ушёл в ополчение и пропал без вести в 1942 году.

На фото справа, в фуражке – мой отец Яковлев Сергей Яковлевич – третий сын Якова. Отец вместе с моей матерью Анастасией Алексеевной (урождённой Максимовой, родом из Каменки) до середины 1950-х годов оставались в деревне в нашем родовом доме Курчиных, доставшемся от деда Якова.

Наше подворье, расположенное между подворьями Сенькиных и Бориных, выходило на центральную площадь деревни как раз напротив Суворовского дома инвалидов. От наших ворот вправо за угловым домом Сенькиных начиналась Симоновская дорога, а влево за домом Бориных начиналась просёлочная дорога на Ушково.

Дом наш и хозяйственные постройки располагались в виде буквы «П» под одной общей крышей. По существу это был даже не один дом, а два (два отдельных сруба). Первый более старый дом был с печью. Во втором печь была ещё не построена, но место для неё было; этот дом использовался, как летний. Под большой общей крышей располагались хозяйственные постройки: конюшня на 3-х лошадей (две рабочих и жеребёнок), помещение для 5-ти коров, помещение для овец, клеть для хранения дров и участок двора для телеги и саней, где были ворота на улицу. На верхнем ярусе скотного двора располагалось другое подсобное помещение и хранилось повседневно расходуемое сено. Но основной запас сена хранился в большом сенном сарае нашей семьи, стоявшем в поле. Надо сказать, что поля жителей нашей деревни находилась в непосредственной близости от Каменки.

Коллективизация у нас проходила в 1937 - 38 гг. Колхоз в Каменке назывался «Красный пахарь». Нашей семье пришлось сдать в колхоз 4-х своих коров, всех лошадей и инвентарь. Одну корову по кличке «Ночка» нам оставили. Все, кто держал коров, должны были сдавать на молокозавод (государству) 300 л. молока в год. Благодаря высокой жирности молока нашей коровы, мы сдавала только 140 л. в год. Свиной и кур в колхоз не отобрали. Бабушка Анита была против коллективизации и поэтому перестала знаясь со своим старшим сыном Иваном – председателем нашего сельсовета, а потом переехала в Ленинград нянчить внуков от младшего сына Василия.

Председателем сельсовета в Каменке был Храбров, и после него с 1940-х годов – мой дядя Курчин Иван Яковлевич.

Теперь про моего отца Яковлева Сергея отдельно. Во время коллективизации в колхоз он не вступил, а предпочёл уехать в Чудово, где начал работать на стекольном заводе. Потом вернулся и стал работать в ближайшем леспромхозе. Семья всё это время оставалась в Каменке. Отцу пришлось воевать 2 войны: Финскую и Отечественную. Во время последней войны Яковлев Сергей Яковлевич служил на аэродроме под Ориенбаумом по технической части; потом, когда Красная армия вошла в Германию, ему предложили стать интендантом. Окончил войну в звании старшего лейтенанта. После войны работал в «Промартели» в Любытино. От этой артели организовал в Каменке сапожную мастерскую. В 1953 г. наша семья переехала в новый город Кировск под Ленинградом. Умер Сергей Яковлевич от эмфиземы лёгких в 1971 г., не дожив немного до 70 лет.

Интересно заметить, что все сыновья деда Якова получили разные фамилии. Старший сын Курчин Иван был записан в документах сначала Федоровым, а после революции сменил фамилию, стал Курчиным по нашей старинной деревенской кличке «Курчины». Два следующих сына – Яковлев Петр и Яковлев Сергей (мой отец) выбрали фамилии по имени отца Якова; младший сын Кудряшов Василий записан по своей деревенской кличке, что связано с его вьющимися, курчавыми волосами.

Рис. 7. Дом Курчина Ивана Яковлевича постройки 1930-х годов в той части деревни, которая называлась "Табачный край". В 1990 г. в этом доме прежние хозяева уже не жили. Фото автора, 1990 г.

Говоря о старине, будет кстати упомянуть и о моей крестной Вихровой Марии Павловне из рода Павловых. Павловы, по-деревенски, – «Еровы», жили в доме, который стоял недалеко от церкви на противоположной стороне площади в начале Симоновской дороги. У них хранился портрет генералиссимуса А. В. Суворова, а на чердаке дома – старинные книги и журналы из усадьбы Суворова. Ещё до Финской войны приезжали в Каменку сотрудники музея из Ленинграда, всё забрали. В вознаграждение дали радиоприёмник «Колхозник», работавший на батареях, и велосипед.

В 1930-е – 1940-е годы дети нашей и соседних деревень учились в школах, где преподавание всегда велось на русском языке:

- В Каменке – 4-х классная школа,
- в Никандрове – школа 7- летка,
- в Шереховичах – школа 7- летка,
- в Любытине (бывшем Белом) – школа 10-летка,
- в Зарубине – школа 10-летка

В 1930-е годы редкие жители деревни, которым удавалось переезжать на работу в города и иные места, получали паспорта, где они были записаны русскими. И это было в порядке вещей, как и положено. Но, вместе с тем, и в Каменке и в соседних деревнях жители всё время помнили, что они происходят из карел. В деревнях говорили по-русски, говорили между собой и по-карельски, особенно, старые люди. И окружавшие их малые дети перенимали сами собой от бабушек, дедушек и пожилых соседей карельские слова.

В 1999 году Яковлев Дмитрий Сергеевич, проживший большую часть жизни в городе, назвал (по просьбе автора) некоторые местные карельские слова, которые ему запомнились с деревенского детства. Вот эти слова и их русский перевод в понимании рассказчика:

веси – вода
анна ветта – дай попить
тата – папа
киугва – печь
калитки – пироги из пресного теста
лузика – ложка
койра – собака
сика – поросенок
васика – теленок
шиха – пила
дянки – варежки
каннель – гусли
иги – река
пу – дерево
ройка – лодка из 2-х долблёных осиновых брёвен
мудо – земля
перкеле – чёрт

В деревнях были строгие правила жизни и честные. Воровства не было, не было и замков на дверях деревенских домов. Вместо замка – палочка в дверном кольце. Если даже прутик вставил в кольца двери, никто не войдёт. Прутик в дверях – это значит: «Никого нет дома». Цыгане, которые останавливались около нашей деревни табором, и те соблюдали наши законы. Если что случится, мужики изобьют до смерти.

Мы в молодости с нашими деревенскими девками ночевали на сене в сарае и понимали: «Попробуй, тронь девку ! Ни, ни». Порода правдивых и честных людей: «Не тронь чужого ! Не укради !» Если украл, лучше уходи из деревни.

До войны карелы жили в деревнях следующих сельсоветов:

1. Каменский сельсовет (Каменка, Колоколуша, Ослякино, Фольково, Ушково, Горка, Александровка, Горушка, Почерняево, Симониха);
2. Большегорский сельсовет (Большие горы, Коккелева горушка, Заручевье, Бобирино, Песчаница);
3. Ножкинский сельсовет (Ножкино, Долбеево, Кадилиха, Зубово, Чёрная Московка, Глэздово);
4. Одринский сельсовет (Одрино – лесопункт)
5. Никандровский сельсовет (Никандрово, Долганово, Откуши, Хвошно, Печно, Жар, Клещино, Рогозово, Красная Гора)

Были карельские деревни и дальше в сторону Тихвина, уже за пределами Никандровской волости. Вот, к примеру, наша семья ещё в бытность, видимо, прадедов породнилась с жителями деревни Звонец (рядом Карельское Раменье), что в 30 км к северу от Каменки. Оттуда родом были Журины – двоюродные братья отца. Один из Журиных – Василий Николаевич в довоенные и послевоенные годы работал председателем колхоза в деревне Остров Агафоновского сельсовета.

Жители Каменки, уезжавшие по делам в другие места, пользовались сообщением по железной дороге. Издавна ходили, а зимой ездили на санях, за 60 км на станцию Торбино железной дороги Москва – Петербург. Потом стали ходить и поближе за 20 км в Любытино, где кончалась железнодорожная ветка от Окуловки, построенная позднее. И совсем в ту пору не пользовались построенной в 1929 году северной железной дорогой Ленинград – Сонково – Москва. Сюда до ближайшей станции Киприи было хоть и ближе, чем до Торбина, но останавливало бездорожье.

Во время войны Каменка оказалась в тылу Волховского фронта. Через деревню двигался военный транспорт, шли на фронт воинские части и возвращались раненые красноармейцы. Порой те и другие останавливались на ночёвку в избах деревни. В эту пору по старинному Аракчеевскому тракту (именно так называли его местные жители) в направлении Тихвина была проложена временная дорога – лежнёвка, пересекавшая железную дорогу у станции Киприя. Дорога – лежнёвка была проложена через болота и на Малую Вишеру. А летом 1942 года военными и мобилизованными девушками за два месяца был построен железнодорожный путь от Любытина до станции Неболчи.

После войны, когда отец вернулся с фронта, я, при первой же возможности, получил рабочую специальность в ремесленном училище в Ленинграде и был направлен на работу в город Кировск Ленинградской области, куда вслед за мной переехала из деревни вся наша семья. Отслужив в армии, устроился на работу в Ленинграде, а мои сестра и брат и сейчас живут в Кировске.

Так же, как и наша семья, и другие жители Каменки в поисках лучшей жизни разными путями окончательно переехали в рабочие поселки и города. В первую очередь, уезжали подростки 14 – 16 лет, поступившие в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Старики, которые ещё оставались в деревне, постепенно все умерли. Лишь летом в Каменку из городов приезжают кое-кто из прежних жителей деревни и дачники, многие из которых – потомки местных жителей.

Рис. 8. Пенсионеры Таисия Павловна и Екатерина Павловна Кузнецовы (дев. фамилия) отдыхают летом в родной деревне Каменке. Фото автора, 2008 г.

А как начинается очередная зима, так деревня пустеет. К 2009 году в ней зимовало 8 человек, и в их числе только двое уроженцев Каменки: Иванов («Воронцов») Н. М. и Петрова («Разуваева») Н. В.

2. Рассказы Яковлева Сергея Сергеевича

(записаны автором в 2011 г. в г. Кировске Ленинградской области)

Рис. 9. Яковлев Сергей Сергеевич родился в 1931 году в деревне Каменке. Младший брат Дмитрия Сергеевича. После службы в армии окончил техникум в Ленинграде, работал водителем, в настоящее время живёт в г. Кировске Ленинградской области. Фото 1953 г.

Про нашего деда Якова из деревни Каменки

Наше семейное прозвище «Курчины» пошло от деда Якова из-за его курчавых волос.

Дед Яков – незаконнорожденный. Его мать Адарка не из Каменки, а из другой деревни. Кто-то из дворян Суворовых выиграл её в карты у владельца той деревни. Будучи в услужении у Суворовых, она и нагуляла ребёнка. У прабабки было 2 брата, старшего звали Альбертом, они были из Финляндии. Вообще-то фамилия прабабки была Лейконен.

Здесь требуется **пояснение автора** (тоже потомка Яковлевых):

В метрической книге Никандровского погоста на 1863 г. [7] есть запись о рождении:

*«**Иаковъ** Родился 20 марта. Крещень 21 марта. Родители: деревни Каменки крестьянинъ **Федоръ Никифоровъ** и жена его **Параскева Никонова** оба православного исповеданія.*

*Восприемники: Его Императорского Величества лейб-гвардии стрелокъ **Тимошеи Матвѣевъ**».*

То есть отцом Якова записан Федор Никифоров (возможно, отставной солдат), за которого Параскева (по-деревенски Паранька) была выдана барином замуж. И, действительно, Иван – старший сын Якова поначалу записан в документах с фамилией Федоров, которую он позднее сменил на фамилию Курчин.

(Конец 1-го пояснения).

По рассказам отца, в доме Федора (отчима Якова) в Каменке была гитара, подаренная Суворовым; прадед Федор хорошо на ней играл. Он носил усы, поскольку был военный, солдат. Его выгнали из армии за хулиганство. Дело в том, что курил он только самосад, который носил при себе в кисете. Жена, прабабка Адарка (Паранька) хотела отучить его от курева. Ей посоветовали подсыпать мужу в кисет с самосадам смесь с сухим куриным помётом и др., что она и сделала. Это произошло во время сенокоса. Они присели передохнуть, рядом стоял деревянный чурбан и лежал молоток для отбивки кос. Федор свернул самокрутку, посыпал туда из кисета, поджёг и затянулся. Тут же он поперхнулся, глаза вылезли из орбит, закашлялся, слёзы из глаз. Видно, догадался, чьих это рук дело. Схватил молоток и тресь жене по голове. Та ничего, жива осталась; а его судили, дали 3 года тюрьмы, уволили из армии.

Прабабка Адарка (Паранька) была экономкой в Суворовском доме инвалидов в Каменке, а жила в другой деревне в сторону Никандрова. Каменку она не любила, потому что здесь многие жители помнили о том, что Суворов выиграл её в карты.

Когда Яков вырос, мать подыскала ему невесту, свою племянницу из другой деревни. Это моя бабушка. Мы – дети звали её «баба Анита». При этом все мы знали, что это её имя по-русски было «Анна», а полное «Анна Иванова»; но бабушке почему-то её русское имя Анна не нравилось. А старые деревенские люди, чаще мужики, порой почему-то ухмылялись, услышав это имя, произнесённое вслух. Мы – малыши, подъученные на улице, иногда дразнили нашу бабушку: «Анна, дай стакан воды !», и сами того не понимали, почему же она гонялась за нами с тряпкой, рассерженная этими словами.

Здесь требуется **пояснение автора**: В Тверской области в Максатихинском районе, истари населённом карелами, в деревне Малышево (по сообщению местного уроженца Павлова Виктора Николаевича, 1952 г. р.) ещё в 1960-е годы бытовала шуточная двусмысленная карельская поговорка «Ана веття, кокко сейсо», что не очень ясно в буквальном переводе на русский: «Дай воды, орёл стоит». На самом деле это – понятный местным жителям-карелам фразеологизм: непристойно-шуточная просьба к женщине. Значит, карельская поговорка такого же свойства ещё до войны бытовала и в новгородской деревне Каменке.

Отсюда следует вывод, что поговорка эта очень старинная: ведь она бытовала и у тверских карел около Бежецка (дер. Малышево) и у новгородских карел около Боровичей (дер. Каменка) и, следовательно, принесена была в эти разные места Московского государства 400 лет назад из области исхода карел – из северо-западного Приладожья.

(Конец 2-го пояснения).

Про моего отца, его братьев и сестёр

Жили они в сравнительно зажиточной крестьянской семье, и всем своим детям дед Яков смог дать некоторое образование. Самый образованный из них, дядя Петр Яковлевич окончил Сопинскую второклассную школу и ещё до революции – псаломщицкие курсы в Новгороде.

Тётка Акулина окончила техникум, работала на станции Анциферово мастером на железной дороге. Её муж из деревни Зубово по прозвищу «Налим» был очень низкого роста, и их сын Петя – тоже. Старший дядя Иван Яковлевич учился в Ленинграде, иначе его не поставили бы председателем нашего сельсовета. Младший дядя Василий Яковлевич окончил институт в Ленинграде и работал до войны инженером на заводе Марти. Во время блокады он пропал без вести.

Мой отец Сергей Яковлевич продолжать учёбу после 5-го класса не захотел, он говорил: «Мне образование не нужно, я хочу жить в деревне, ковыряться в земле». Насчёт своего брата Петра мой отец всё время удивлялся: «Зачем он пошёл по церковной линии?». Кроме того, отец недолюбливал старшего брата Ивана, записавшегося в 1930-е годы в колхоз, порою звал его за глаза «низкосракий чёрт».

Про деревню Каменку и округу

В Каменке было 64 – 66 домов. Деревня расположена в форме сапога. Длинная улица к дороге на Симонику – это голенище сапога. Звали это место «Конфетный край», может быть, потому что здесь находился деревенский магазин. Носок сапога ближе к Инвалидному дому, звали это место «Табачный край».

Около Каменки есть 2 озера: Белое и Чёрное. Каменка – на берегу Белого озера. На берегу озера у деревни было скопление бань: 12-14 построек. Ещё 4 бани группировались у колодца (недалеко от дома дяди Вани). На выезде из деревни в сторону Симоники тоже было 4 бани. Влево от бань, которые располагались на берегу озера, находилась купальня, где была и нырялка. В другую сторону вокруг озера мимо кузни, огибая «Василёвскую лахту», шла дорога на Осякино, которое расположено в 2 км от жальника. Жальник – поросшая елями возвышенность – виден от Инвалидного дома, как раз напротив через озеро.

Около деревни находились 2 кладбища: первое кладбище – деревенское – у дороги на Любытино. Второе кладбище – кладбище инвалидов – рядом с жальником, ближе к озеру.

По дороге к райцентру Любытино находится деревня Колоколуша, здесь по обеим сторонам тракта стояли 15 беспорядочно расположенных домов. Недалеко от Колоколуши – небольшая деревня Фальково, в которой 4 дома.

До войны в Каменке был колхоз «Красный пахарь», в 1950-х гг. стал колхоз «Суворовец», затем Каменка была отделением совхоза «Агафоновский». В последние же 1980-е годы перед закрытием совхоза в нём работали всего 8 человек из Каменки и Колоколуши.

(Конец рассказов Яковлева Сергея Сергеевича)

Post Scriptum

Во всей этой семейной истории автору, как потомку местных жителей, бывших когда-то крепостными, претят порядки крепостнической России, если учесть, что посчастливилось жить уже в советскую эпоху.

Как свидетельствуют деревенские рассказы, мою прапрабабку Параскеву Никонову кто-то из дворян Суворовых (когда именем владел Суворов Александр Аркадьевич (1804 - 1882)) выиграл в карты у другого помещика, наградил её незаконнорожденным плодом своей похоти и для компенсации всего этого выдал замуж за хулиганистого отставного солдата Фёдора

Никифорова. Всё это было позором для Параскевы, она даже не могла подыскать в Каменке невесту для своего подросткового сына Якова и в качестве невесты выбрала свою же племянницу из другой деревни. Так что Яков и его жена Анита были двоюродными братом и сестрой, что грозило их потомкам наследственными болезнями и проявилось в потомстве их старшего сына Ивана Курчина психическими отклонениями.

Рассказы о Параньке – матери Якова, приправленные фантазией, циркулировали среди родни до второй половины XX века. Автор не раз слышал эти рассказы от старших родственников в разных вариантах, и все сходились на том, что Яков был незаконнорожденным, несмотря на то, что, оказалось, существовала запись в Никандровской церкви о рождении и крещении Якова в 1863 г. с указанием его родителей Параскевы и Федора. Вместе с тем архивный поиск записи о венчании этих родителей результата не дал, хотя были просмотрены метрические книги церковью Никандро́ва, Шереховичей и Сопина. В целом же оказалось так, что на бумаге Яков имел двух родителей, а в деревенской молве остался незаконнорожденным. А от ложного пращура Фёдора все потомки Якова Курчина шарахались как от заразы, они помнили его как пьяницу и хулигана, и никто из них не взял фамилию *Фёдоров*.

Приведу другой факт произвола над владельческими крестьянами в XVIII веке. Отец выдающегося русского полководца, который в 1763 г. приобрёл по случаю большое владение в Новгородском уезде, после выхода в отставку в 1768 г. имел намерение продать эти имения, о чём свидетельствует объявление в разделе *«Продажа»* газеты *«Санктпетербургские Ведомости № 47 въ пятницу июня 11 дня, 1770 года»*:

«Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ бежецкой пятинѣ въ Шереховскомъ и Сопинскомъ погостахъ продаются волости, называемыя Кривинская и Сопинская, въ коихъ мужеска полу по отказнымъ 1765 года книгамъ 803 души, так же земли, лесныхъ угодьевъ, сенныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловлей въ разныхъ озерахъ довольное число: въ оныхъ же волостяхъ находятся помещичьи дома; а разстояніемъ отъ Санктпетербурга 350 верстъ, и отъ Москвы толикоежъ число: желающіе купить, о цене осведомиться могутъ въ Москве въ состоящемъ за Никитскими воротами доме его превосходительства господина Генерал-Аншефа, лейбгвардии подполковника, Сенатора и Кавалера Васи́лія Ивановича Суворова».

В этом же разделе *«Продажа»* размещены и такие объявления:

«На здешнемъ Санктпетербургскомъ стеклянномъ заводе казенное ветхое строение повольною ценою съ перевозкою съ того места желающимъ купить, явиться въ контору строенія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА домовъ и садовъ немедленно».

«Въ Академической книжной лавке продается исторія древняго Историка Иродота Аликарнасскаго три тома, каждый по 50 коп».

Деревня Каменка относилась к Кривинской волости, так что **мои предки** в числе указанных в газетном объявлении 803 душ (мужского пола) **покупались и продавались** в составе всего имущества наравне с ветхими строениями или даже книгами.

Впрочем, продажа двух волостей тогда не состоялась [9], и до самой отмены крепостного права в 1861 году эти имения оставались во владении потомков В. И. Суворова по мужской линии.

Крестьянский род Воронцовых в деревне Каменке

Рис. 10. Иванов Николай Михайлович у своего второго дома. Фото 2008 г.

Николай Михайлович родился в 1931 г. в деревне Каменке в семье потомственных крестьян из рода «Воронцовых» (деревенское прозвище). Окончил среднюю школу в Зарубине, затем получил высшее образование. С 1953 г. преподавал в семилетней школе в родной деревне Каменке, с 1955 по 1960 г. – в Шереховичской средней школе. Затем 26 лет работал в г. Кировске Мурманской области – директором средней школы № 6. Иванов Николай Михайлович имеет почётное звание «Заслуженный учитель СССР». С выходом на пенсию до настоящего времени проживает в Каменке, взяв на себя инициативу бескорыстной защиты и восстановления знаменитой родовой усадьбы Суворова. Лауреат национальной премии «Культурное наследие 2006 г.»

3. Рассказы Иванова Николая Михайловича

(записаны автором в 2008 г. в деревне Каменке)

О карелах на строительстве Петербурга

По преданиям здешние карелы, бывшие когда-то государственными крестьянами, привлекались для строительства Петербурга. С тех пор сезонные работы именно в Петербурге

стали традицией жителей нашей деревни и продолжались впоследствии, когда владельцами Каменки стали Суворовы. Первый владелец – Василий Иванович даже прикупил в свою вотчину мастеровых. Мой прапрадед отработал в Питере молотобойцем 21 зиму в те времена, когда ещё не было железных дорог. Но большинство наших каменских мужиков работали в Питере по дереву, плотниками. Прадед мой тоже плотничал. Уходили в Питер к зиме, после окончания полевых работ в деревне. В старину ходили пешком через Тихвин, и по этой же дороге к весне возвращались. Из заработанных денег выплачивали подати и копили средства для собственных хозяйств.

О планировке деревни Каменки

Первоначально Каменка располагалась в другом месте, которое сейчас находится за крайними домами слева от Симоновской дороги (если смотреть от озера) и называется «Старые огороды».

В середине XIX века из-за баловства детей случился в Каменке большой пожар. Выгорели все дома подчистую. После пожара пришлось отстраивать деревню заново, и помещик разрешил крестьянам приблизить деревню к своей усадьбе. Чтобы как-то выжить, стали строить на новых местах землянки, полуземлянки; затем – маленькие домишки, где полы были настелены прямо на землю, и было лишь по два оконца на фасаде. По-настоящему начали строиться позднее, когда скопили достаточно средств, кто – через 3 года, а кто – и через 10 лет. Одни начали строиться, а другие ещё жили тут и там в маленьких временных домишках. Поэтому со временем, когда отстроились все, планировка деревни оказалась скученной и хаотической за исключением домов вдоль Симоновской дороги.

О конструкциях крестьянских домов и подворий

В Каменке и дома и крестьянские дворы в целом очень разнообразны по конструкции и планировке. Сейчас в деревне ещё осталось более 30 дворов, многие из которых заметно разорены за счёт разрушения и сноса, главным образом, старинных хозяйственных построек. Большинство домов – одноэтажные на высоком подклете, но есть и два двухэтажных дома. По мнению Николая Михайловича Иванова, в Каменке и окружающих карельских деревнях можно насчитать 12 – 14 типов дворовых строений. Но основных, самых распространённых типов – два: во-первых, расположение дома и двора на одной линии под общей крышей (однорядная связь) и; во-вторых, положение двора под прямым углом к дому (Г-образная связь), по-деревенски «сапог».

Типичное крестьянское подворье с однорядной связью – дом самого Николая Михайловича. Дом этот, вытянутый в длину и большой высоты, имел необычную особенность: сквозной проезд со стороны улицы (Симоновской дороги) на огород. Проезд этот через двое ворот пересекал строение в его нижней части.

Рис. 11. Дом Иванова Николая Михайловича со стороны огородов. Фото автора, 1990 г.

Этот дом, доставшийся Николаю Михайловичу от отца, по невыясненным причинам сгорел в январе 2007 года. От подворья остались следы кирпично-каменного фундамента, которые очень наглядно демонстрируют планировку и точные размеры строения.

Рис. 12. План (вид сверху) крестьянского подворья Ивановых («Воронцовых») в деревне Каменке. Общая длина строения – 25 м, ширина – 8 м (без учёта выступающего ввоза на 2-ой этаж).

Здесь под одной общей крышей находились две отдельные избы, каждая размером 6 м × 8 м, с коридором между ними шириной 2 м и хозяйственное строение размером 11 м × 8 м. И жилые и хозяйственные строения располагались на высоком подклете, который, по существу, образовывал 1-ый этаж, в котором не было лишь окон. Первый этаж хозяйственного строения предназначался для скота и в нём было прорезано со стороны улицы двое ворот: первые – для скота, вторые – для сквозного проезда с улицы на огород ввиду скученности деревенских участков в этом месте. На второй этаж хозяйственного строения с улицы вёл наклонный бревенчатый настил-ввоз, по которому въезжали возы с сеном. На втором этаже воз разворачивался (над сквозным нижним проездом) и здесь разгружался. Сено, хранившееся здесь, в зимнее время удобно было подавать на корм скоту: достаточно было сбросить часть сена вниз прямо к кормушкам.

В качестве ещё одного примера подворья с однорядной связью на фото (рис.13) показан дом Леонтьевых, расположенный на границе усадьбы дворян Суворовых, ближе всех к озеру около дороги на Ушково. Под общей крышей здесь расположены двухэтажная жилая часть (слева) и пристроенный вплотную двухэтажный хозяйственный двор без окон (справа).

Рис. 13. Крестьянское подворье Леонтьевых в деревне Каменке. Строение с однорядной связью. Фото автора, 2008 г.

На фото хозяйственный двор дома Леонтьевых частично закрыт от взора другой хозяйственной постройкой, отдельно стоящей на переднем плане справа.

В качестве примера подворья с Г-образной связью на фото (рис. 14) показан дом Иванова Ивана Кирилловича (деревенское прозвище «Борин»), расположенный вблизи выезда на Ушково.

Рис. 14. Крестьянское подворье Ивановых («Бориных») в деревне Каменке. Строение с Г-образной связью. Фото автора, 2008 г.

Здесь хозяйственное и два жилых строения, расположенные под прямым углом, вплотную примыкают друг к другу, образуя в плане букву «Г» или, другими словами, «сапог». На фото видны ворота в нижнем этаже хозяйственного строения и большое закрывающееся окно на втором этаже, в которое в сезон заготовки кормов подавали сено на хранение прямо с воза. При Г-образной планировке усадьба более компактна и допускает несколько вариантов привязки к конкретному месту.

Сохранились в Каменке и остатки большого, полностью замкнутого в прежние годы, подворья Федоровых (деревенское прозвище «Филькины»), расположенного в верхней части Симоновской дороги, по правой стороне, если смотреть со стороны озера. Здесь жилые и хозяйственные строения располагались по периметру большого квадрата, образуя замкнутый комплекс. Это была своего рода усадьба-крепость с проездными закрывающимися воротами, внутреннее пространство которой было отгорожено от окружающего мира стенами строений.

Рис. 15. Крестьянское подворье Федоровых («Филькиных») в деревне Каменке. Остатки строений усадьбы замкнутой планировки. Фото автора, 2008 г.

На фото виден большой жилой дом Федоровых из нескольких срубов на высоком подклете, выходящий одной стороной на Симоновскую дорогу. Сзади дома, параллельно ему (на противоположной стороне квадратного периметра), сохранился двухэтажный скотный двор с конюшней. Хозяйственные постройки на двух других сторонах квадрата и проездные ворота внутри замкнутого комплекса к настоящему времени разрушены.

Рис. 16. Крестьянское подворье Федоровых («Филькиных») в деревне Каменке. Остатки хозяйственных построек. Фото автора, 2008 г.

Сохранившаяся постройка: конюшня и двухэтажный скотный двор высотой в 25 венцов. В прошлом оба строения были покрыты дранкой, которая за много лет обветшала и на крыше скотного двора скрыта под слоем рубероида. Хорошо видны въездные ворота в нижней части двухэтажного скотного двора, а на правой стене – въездные ворота на второй этаж на месте бывшего въезда. Вozы с сеном въезжали на второй этаж по наклонному бревенчатому настилу, который до наших дней не сохранился; на этом месте виден более поздний временный трап. Кроме того, сено на второй этаж подавалось и прямо с воза в большое закрывающееся окно в левой части строения.

О животноводстве, старинном земледелии и деревенских угодьях

В Каменке и окружающих деревнях до коллективизации в каждом хозяйстве держали не менее 3 – 5 голов крупного рогатого скота, не считая овец и свиней. Лошади, да и не по одной, были у всех. Всё это было жизненно необходимо, т. к. здешние почвы очень неплодородны, и не дают урожая без удобрения. Вот и держали крупный рогатый скот, в первую очередь, из-за навоза – для удобрения полей. И, конечно, получали молоко и мясо для собственного потребления. Держали столько скотины, сколько хватало покосов и сил для заготовки сена на зиму. Сено косили и на лугах по взаимной договоренности и на расчищенных лесных полянах. Заполняли сеном верхние этажи скотных дворов на своих усадьбах, но основной запас сена хранили в больших бревенчатых сенных сараях, которые каждая семья имела за пределами деревни.

Ещё во времена моих дедов порой занимались пожогами в лесу. Вырубленный лес сжигали, но крупные пни оставались. Эти участки рыхлили легкой деревянной сохой: пахарь идёт, нажимает на соху, а над пнём её приподнимает. Первый год сеяли рожь прямо между пней, и год или два снимали хороший урожай.

В названиях угодий доныне сохраняется память о первых их владельцах-крестьянах. Расскажу о своих предках. Например, «Воронцова Нива» – нива после вырубки леса под пашню по левой стороне дороги в деревню Ушково. Мой дед Иван Воронцов вспоминал о необычайно богатом урожае ржи здесь по первому посеву; с этого успеха и на радостях наварил он пива и угостил им всю деревню. Есть на карте лесников участок с названием «Манушкин Чищенник», представлявший собой луг, расчищенный на ручейке, текущем со стороны деревни Почерняево. По семейным преданиям это – труд моего пра-пра-прадеда. Долгое время этот луг был государственным покосом, ныне зарос ивняком. А на «Воронцову Ниву» теперь ходят дачники за грибами.

Многие деревенские угодья имели и собственные названия: «Рандавушка», «Бариниовушка», «Кублавушка». Есть уверенность, что названия эти имеют карельское происхождение. К этому можно добавить ещё два карельских названия угодий, которые вспомнил предыдущий рассказчик Яковлев Д. С., а заодно он указал и их местонахождение: на противоположном от Каменки берегу озера у дороги на деревню Осякино. «Куглушка» – ровная низина вблизи развилки дорог на Белое (ныне Любытино) и на Осякино и рядом с ней «Кяпинушка» – луговина, которую косили.

О карельской косе

В нашей местности до сих пор используется карельская коса, которая, в отличие от русской косы, имеет не одну, а две ручки, прикреплённые к косовищу.

Деревянное косовище такой косы изготавливается из молоденькой елочки, на которой оставляют один сучок, т. е. часть крепкой боковой ветки, которая служит опорой для второй ручки, расположенной на 20 – 25 см выше основной на некотором удалении от косовища. Основная ручка для правой руки, как и у русской косы, служит для приложения силы при косьбе, а вторая ручка на конце сучка для левой руки – управляющая. Левая рука слабо согнута в локте и в целом направлена вниз (как и правая рука); тогда как, при пользовании русской косой, левая рука, охватывающая ладонью косовище, сильно согнута в локте и направлена вверх.

Рис. 17. Николай Шварев пробует карельскую косу. Фото 2009 г.

При сенокосе на неудобьях, среди кочек и в каменистой местности, управляющая ручка даёт возможность во время реза травы несколько маневрировать косой вверх-вниз и менять угол её наклона, что улучшает качество косьбы и уменьшает возможность поломки и затупления металлической косы из-за камней. Кроме того, при косьбе карельской косой левая рука, опущенная вниз, меньше устаёт. По сведениям Иванова Николая Михайловича и ныне во всем Любытинском районе используется только двуручная карельская коса.

(Конец рассказов Иванова Николая Михайловича)

В озерном крае. Ройки и подлёдный лов рыбы

Раньше жители Каменки держали на Белом и Чёрном озёрах ройки – карельские лодки из двух выдолбленных толстых осин, соединённых вместе. Ройки использовались главным образом для ловли рыбы: в одних случаях с ройки ставили и проверяли вентера, в других – заводили малые неводы, имевшиеся у отдельных хозяев.

Рис. 18. Старинная ройка на Каменском (Белом) озере. Вдали за изгибом береговой линии видны стоящие на берегу бани жителей Каменки. Фото автора, 1990 г.

По мере того, как жители Каменки с 1930-х годов покидали деревню, ройки не ремонтировались, ветшали и пропадали совсем.

Строить ройки заново взялся в конце 1980-х годов Иванов Николай Михайлович, когда после выхода на пенсию вернулся из Мурманской области в родную деревню. Кропотливым трудом он смастерил несколько роек, причём столкнулся с трудностью выдерживания одинаковой толщины стенок при выдалбливании внутренних полостей, но нашёл-таки выход из положения. Одна из построенных им роек показана на фото рис.19.

Рис. 19. Роман Иванов на новой ройке, построенной его отцом, на озере у деревни Каменки. Фото автора, 2012 г.

Ещё до войны в Каменке имелся общий большой сельский невод, которым ловили рыбу зимой со льда. Этот деревенский невод до революции хранился на дворе Якова Курчина, а после его смерти в конце 1920-х годов – у его сына Ивана. Для зимней ловли рыбы этим неводом требовалось много участников, поэтому по общей договорённости работали артелью. Пробивали во льду озера на значительном расстоянии (порядка 100 м) друг от друга две больших проруби и многочисленный ряд небольших вспомогательных лунок между ними. Невод аккуратно укладывали на лёд около одной проруби, затем концы двух длинных верёвок, прикреплённых к краям невода с мотнёй, деревенские умельцы проталкивали подо льдом с помощью длинных деревянных шестов (ориентируясь на ряд вспомогательных лунок) к дальней проруби, где концы вытаскивали из воды на лёд. Далее мотню невода аккуратно (чтобы не запутались прикреплённые к ней поплавки и грузила) погружали в воду, аккуратно же подтягивая при этом обе верёвки за их концы у дальней проруби. Затем всей артелью за эти верёвки протягивали невод подо льдом от одной проруби к другой и, наконец, вытаскивали у дальней проруби на лёд невод и мотню с уловом. Выловленную рыбу делили по договорённости на жителей деревни.

Рис. 20. Карельский подледный лов. Конец XIX века.

Заключение

Любознательный читатель найдёт подробные исторические сведения о Боровичских карелах, о процессе их ассимиляции, а также об административно-территориальной принадлежности рассмотренной местности в разные эпохи в статье [10].

Источники:

1. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Комиссией. Т. VI. Книги Бежецкой Пятины. СПб, 1910.

2. Постановление Сената от 26 октября 1825 года.
3. Рыбкин Н. И. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М., 1874.
4. Лопатин В. С. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. М., «Терра – книжный клуб», 2001.
5. Церковные ведомости Боровического уезда 1882 год. Новгород, ГИАНО, Ф – 480, оп. 1, д. 3416.
6. Гельман Э. Г. Справочник по административно-территориальному делению Новгородской области (1917 – 1927). Новгород, 1966.
7. Метрическая книга Никандровской церкви на 1863 год. О рождении. Запись 25 (м). Новгород, ГИАНО, Фонд 499, опись 2, дело 25.
8. Петров М. Н. Крест под молотом. Новгородский государственный университет, Великий Новгород, 2000.
9. Письма и бумаги Суворова. Том I. Письма 1764-1781 гг. Объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев. Петроград. 1916
10. Шварёв Н. М. Карелы Боровического уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века. Вопросы уралистики 2014. Научный альманах. СПб, "Наука", 2014, сс. 557 - 612. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/rng/uralistica2014.pdf>

Материал подготовил: Шварев Н. М. – внук Яковлева Петра Яковлевича (см. фото рис. 5)
E-mail: nicksvar@mail.ru

2019 г.